

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ:

Кудьмура. - 1996. - Шави. - С. 7.

Никто не хочет быть первым

Василий Аксенов преподает в Вашингтонском университете. И как всегда, много пишет и публикуется. В России бывает дважды в году, во время студенческих каникул. Летом живет в Москве довольно продолжительное время. Однако этот факт его биографии практически никому не известен, потому что Аксенов вместо светской суеты на виду у телеобъективов предпочитает писательское затворничество.

- Василий Павлович, устаете общаться с русскими писателями в Америке или же причина вашего затворничества имеет иную природу?

— С соотечественниками можно общаться в Нью-Йорке, где их довольно много. Но я там бываю случайно. А Вашингтон, где я живу, не является русским литературным местом. Но в моем университете есть довольно большая группа профессиональных американских писателей. В этой среде и вращаюсь. Так что в Америке я живу в стороне от русской литературы. Не тусуюсь. Но и в Москве не тусуюсь тоже.

- Уж не испортились ли отношения со старыми знакомыми?

— Нет, старые друзья так и остались друзьями. Просто я бываю здесь не столь долго, чтобы войти в московский тусовочный круговорот. Почти все литераторы здесь живут такой интенсивной светской жизнью, что непонятно, как они выдерживают. Порой на это бывает противно смотреть. Ведь раньше такого не было, чтобы почти каждый день люди ходили на какие-то презентации, коктейли... Мы тоже шлялись тогда в Москве, но это случалось гораздо реже. В этом не было самодавящего элемента. К сожалению, этот тусовочный круговорот имеет и рекламную функцию. Люди, которые в нем не участвуют, остаются за бортом. В Париже или в Нью-Йорке этот элемент не достиг такой интенсивности, как здесь.

- Чем отличается ваше поколение от тех, кто сейчас приходит в литературу?

— Думаю, с биологической точки зрения, ничем. Объем мозга у людей не изменяется уже несколько тысячелетий. Разница в ситуации. В каком-то смысле нашему поколению повезло. Мы прорвались в маленький коридорчик свежего воздуха. После XX съезда и до 63-го года, когда они снова стали закручивать гайки. И тогда было, конечно, гораздо легче заявить о себе, потому что народ уж до того стосковался по любому свежему слову, что набрасывался очень жадно. Все видели за каждым словом какие-то потаенные смыслы. Воздух был таким, что народ валил на поэтические действия, ища ответов, часто находя их или воображая их себе.

Это было настроение авангарда. Ведь авангард невозможен без массового подъема, массового вдохновения. Молодежное движение 10-х годов

нашего века было массовым движением авангарда. На этом фоне возникали великие поэты. И в 60-х годах тоже был такой массовый подъем. Благодаря ему мы все и появились. Потом началось похмелье, и власть стала загонять все в старое русло. Новая молодежь уходила в бормотуху. И вовсе не оттого, что они были менее талантливы, но климат был уже не тот — иссякло это массовое вдохновение. Поэтому признание у последующих задержалось.

А сейчас очень странная ситуация. Казалось бы, должно возникнуть вдохновение. Но оно не возникает. Оно, конечно, придет, но пока развал этого дерьма порождает такие мизантропии, что еще ничего не очистилось. Пока еще существует не вдохновение, а выдохновение.

- А вы не связываете это с мощным потоком массовой культуры? Ведь она отвлекает не только потенциального читателя от писателя, но и писателя от литературы?

— Есть, конечно, и это. Но это есть и в Америке. Я помню, как там один критик с горечью писал: "Никто не хочет становиться гением!" А это тоже, кстати говоря, проявление массового вдохновения. Я помню, что в 60-е годы наша самая любимая фраза была: "Ты гений, старик!". Сейчас этого никто не говорит даже в ироническом смысле. И этот критик совершенно справедливо утверждает, что все эти мальчики 20-х годов, так называемое потерянное поколение, на самом деле не были потерянными. Это были люди массового вдохновения, они жаждали быть первыми. Хэмингуэй хотел быть первым писателем! И Фицджеральд тоже хотел быть первым! И Джойс — тоже! Все они хотели быть самыми первыми. И они стали таковыми.

В американской литературе сейчас много мастеровитых людей с высокой эрудицией. Все они колоссальные интеллектуалы, знатоки всяческих конструкций и гипертекстов. Но стремления, я бы сказал, байронического характера пока еще не возникло. А без этого невозможно создание великой литературы.

- Значит, это общемировая проблема?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жабба, а с другой — там сейчас бурлит молодежь. Там может быть большой культурный взлет. А Америка шла десяти-



ФОТО Б.СЛОНИМСКИЙ

летие за десятилетием довольно вяло — строили материальную культуру. И вдруг произошел всплеск колоссального духовного движения — сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее очень мощного. И возник рок-н-ролл. А это потрясающая культура.

Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо сначала наесться, прибраться. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу материального благополучия, вот тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем, это совершенно очевидно.

- Сейчас в России довольно популярна мысль о том, что американский культурный ширпотреб наносит урон нашей духовности.

— Это абсолютнейшая чепуха! В Америке очень высокая культура. Это уже сверхцивилизация, постиндустриальное общество. Там, между прочим, потребление классической музыки опередило попсу. Просто нужно ориентироваться на лучшие образцы, а не на худшие. В Советском Союзе что ли с духовностью было все в порядке?

- Да, но наши прилавки завалены американскими боевиками, розовыми романами...

— Ну теперь и в России научились все это стряпать. Но, думаю, это проблема переход-

ного периода. После закрытия больших советских издательств можно было предположить полный крах литературы. Но этого не произошло. Конечно, книжный рынок находится в ужасном состоянии, на нем тотально преобладает кошмарная рыночная продукция как переводная, так и доморощенная. Но все-таки здесь издаются и серьезные книги. Правда, этот процесс очень хаотичен: очень скудная информация, безобразная защита авторских прав, отсутствие специализированных магазинов для серьезных читателей. Все свалено в кучу, в которой невозможно ничего отыскать.

Например, в Америке все знают, что дерьмо в ярких глянцево-обложках продается в больших супермаркетах, в аэропортах и на вокзалах. При этом существует и огромная сеть книжных магазинов, где эту продукцию не принимают. Там продаются, разумеется, разного качества романы, поэтические сборники, книги по литературоведению, альбомы по искусству, справочники... И как ни странно, хоть все и предрекали увядание книги как таковой в современном компьютерном и телевизионном обществе, но происходит обратное явление. Постоянно открываются большие книжные магазины, где можно найти абсолютно все. Там чуть ли не до полуночи кипит жизнь: толкуются люди, которые ищут нужные книги, обмениваются

мнениями, сидят в кафе. Как показывает практика, это явно выгодный бизнес.

Думаю, и у нас к этому придет. Произойдет размежевание рыночной и творческой литературы. Солидное издательство, конечно, должно себя поддерживать путем издания товарной литературы. Скажем, мое издательство в Америке сильно не разживется на мне или на других нормальных писателях. Поэтому там издают в больших количествах книжный ширпотреб. Это приносит доход. Но одновременно у издательства есть сегмент, который делает репутацию. Уважающие себя книгоиздатели его никогда не отдадут.

- Существует ли там книжное пиратство?

— Мне такие случаи неизвестны. Наверное, какие-нибудь слабоумные жулики изредка на это решаются, но их ожидают очень печальные последствия.

- А здесь?

— На каждом шагу. Причем мне известно об этом не только понаслышке, но и меня подчас избирали в качестве жертвы. Иногда даже подписывался договор, однако никто и не думал его выполнять. Например, в Симферополе в 92-м году группа на первый взгляд интеллигентных людей издала "Остров Крым". И, пользуясь тем моментом, что Крым стал иностранным государством, они мне не заплатили ни гроша. Или года три назад в Сибири напечатали один из моих детских романов тиражом 250 тысяч экземпляров. И до сих пор я не видел ни одного экземпляра. Издавала меня и какая-то пиратская фирма в Баку, отправляя тиражи на Дальний Восток.

Примеров множество. Причем такие вещи происходят не только где-то в отдалении, но и на расстоянии вытянутой руки, в Москве. У меня в прошлом году вышел пятитомник. Издал его Максим Шенгелевич, вроде бы симпатичный интеллигентный человек. Фирма называлась "Торговый дом "Юность". Была презентация в галерее "Дом Нащокина", на которой замечательные люди произносили красивые тосты. Потом все это обернулось гадким фарсом. Тираж не был отпечатан, бумага, которую получили специально для этого издания, была куда-то продана, вместо этого стало издаваться что-то другое. Уж не говоря про выплаты гонораров, которые были оставлены. И в результате получилось нечто позорное. Этот пятитомник никто не может достать. В то же время он продается в Америке и Израиле. Сколько и как продается — никому неизвестно. Шенгелевич уверяет, что он сам ничего не знает.

Тут надо очень жестко следить за авторскими правами. Необходимы авторские агентства, которые осуществляли бы контроль. Но прежде всего необходим такой механизм, благодаря которому издатель понимал бы, что ему не сойдут с рук любые теневые действия.